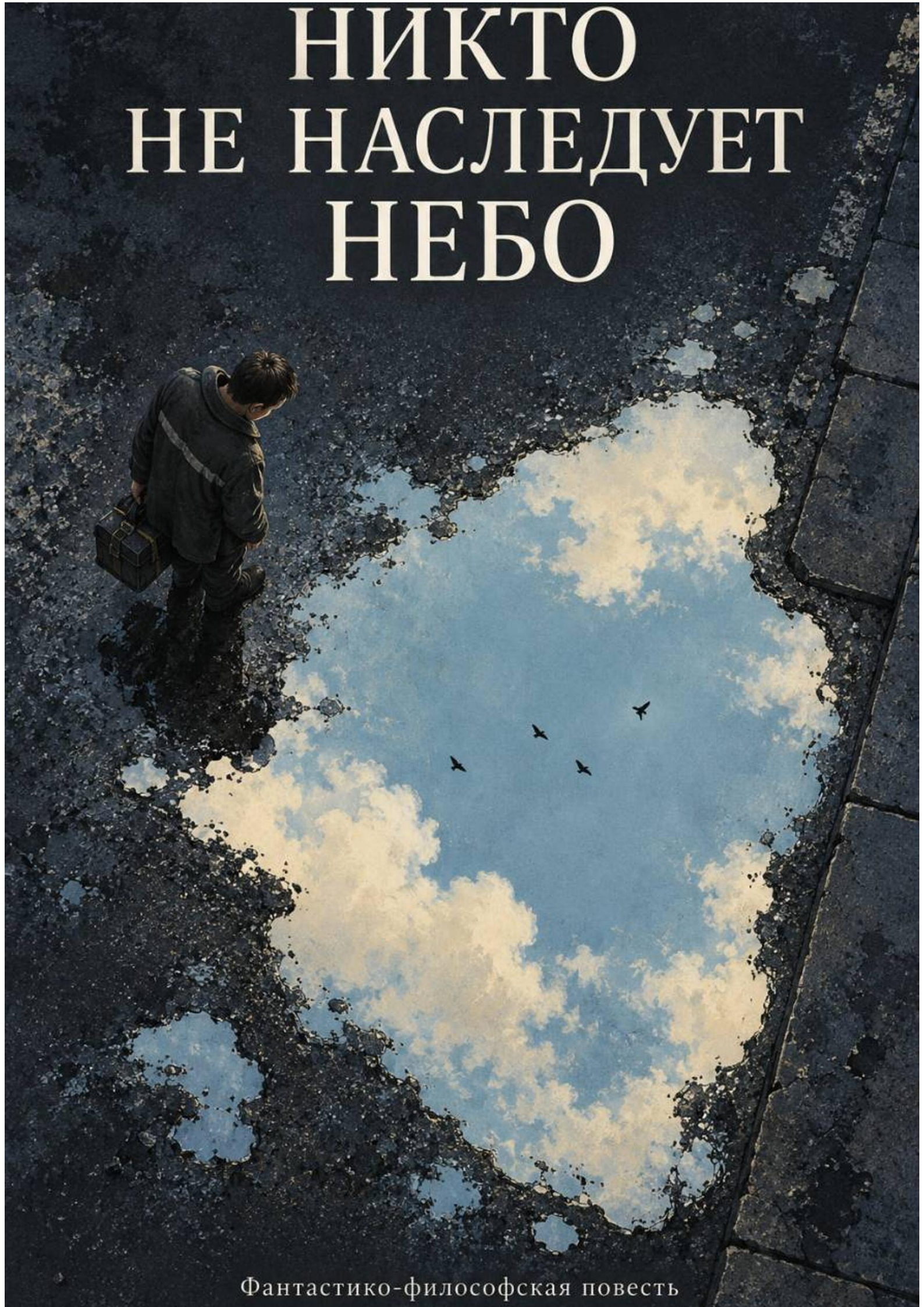
НИКТО НЕ НАСЛЕДУЕТ НЕБО



Фантастико-философская повесть

Alex Sonner

Никто не наследует небо

«Автор»
2026

Sonner A.

Никто не наследует небо / A. Sonner — «Автор», 2026

В мире, где даже тревога подчиняется расписанию, техник Арсен Вельский обслуживает Сеть общественного покоя. Однажды он замечает сбой, которого нет в официальных записях, — и оказывается по другую сторону системы, управляющей страхами, войнами и судьбами людей.Правящие Семьи готовы предложить ему больше, чем свободу: возможность самому решать, каким будет мир. Но желание спасти других может стать самым убедительным оправданием новой несвободы.«Никто не наследует небо» — фантастико-философская повесть о соблазне власти, цене ответственности и трудном праве человека распоряжаться собственной жизнью.

© Sonner A., 2026
© Автор, 2026

Alex Sonner
Никто не наследует небо

Глава 1

Никто не наследует небо
Фантастико-философская повесть
2026
все совпадения, разумеется, случайны

Пролог. Нормальная тревога

В пять часов семнадцать минут по единому времени над городом включили сирены.

Они не выли. Вой считался старомодным и небезопасным: у пожилых людей он вызывал аритмию, у детей — энурез, у собак — неконтролируемую агрессию. Новые сирены говорили спокойным женским голосом:

— Граждане, сохраняйте обычный уровень тревоги. Небо временно принадлежит Службе безопасности. Не смотрите вверх. Не фиксируйте перемещения воздушных объектов. Ваше любопытство может быть использовано против вас.

Арсен Вельский проснулся раньше, чем голос произнёс слово «граждане». Сначала он услышал, как под полом отключился городской ток, потом — как дом перешёл на квартальный накопитель, потом — короткую паузу в работе климатической шахты. Пауза длилась две десятых секунды.

Другой человек не заметил бы ничего. Арсен замечал тишину.

Он лежал, глядя в потолок, на котором медленно проступали аварийные стрелки: жёлтые, мягкие, указывающие путь к убежищу. За стеной заговорила соседка госпожа Элея. Она жила одна, но во время тревог всегда обращалась к покойному мужу.

— Курт, возьми коробку. Нет, не ту. Ту, где документы. Курт, ты опять…

Снизу заплакал ребёнок. Сверху кто-то торопливо смывал воду.

Арсен сел на кровати и провёл ладонью по лицу.

На стене возникло уведомление:

УРОВЕНЬ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ: СИНИЙ

Возможен пролёт беспилотных аппаратов неизвестной принадлежности.

Сохраняйте спокойствие. Сообщайте о необычном поведении соседей.

Синий был ниже янтарного, но выше обычного. Обычный уровень тревоги тоже существовал. Он обозначался белым кругом и сопровождал человека с рождения до смерти.

Арсен оделся, взял сумку с инструментами и вышел в коридор. Лифт уже стоял на первом этаже, заблокированный на случай диверсии. У лестницы толпились жильцы.

— Куда вы? — спросила госпожа Элея. На ней было два пальто, одно поверх другого.

— На работу.

— Сейчас?

— Особенно сейчас.

Арсен обслуживал городскую Сеть общественного покоя. Если сирены говорили, он следил, чтобы голос доходил до каждого подъезда с одинаковой громкостью. Если сеть молчала, он искал место, где молчание возникло. В удостоверении его должность называлась красиво: техник непрерывности общего контекста, третий класс.

Дочь называла его ремонтником страха.

На улице люди шли к укрытиям, прижимая к груди разрешённые сумки. Над крышами медленно двигались три чёрные точки. Смотреть на них запрещалось, поэтому все смотрели в землю, где в мокром асфальте отражалось небо.

Арсен тоже опустил взгляд.

И увидел, что одна из точек летит против ветра, вторая — по ветру, а отражение третьей остаётся на месте.

Он остановился.

Громкоговоритель на столбе сказал:

— Не задерживайтесь. Неподвижность без предписания создаёт угрозу потоку.

Арсен пошёл дальше.

Он попробовал вспомнить движение третьей точки. Помнил только отражение.

И паузу, которой не должно было быть.
Позже он много раз пытался вспомнить, почему остановился именно тогда.

Часть первая. Два неба

1. Дом Таль

У Верхнего города не было координат.

Его здания стояли на земле, его сады получали настоящий дождь, а кухонные отходы вывозили настоящие люди, но ни одна общедоступная карта не могла показать путь к нему. Координата — это не точка, объясняли наставники детям Семей. Координата — это согласие множества систем признать точку существующей. Верхний город такого согласия не давал.

Сера Таль завтракала под оливой, которой было триста девяносто лет.

Серебристые волосы Сера носила коротко. На запястье, выглянувшем из рукава платья цвета мокрого камня, белела тонкая полоса после недавней процедуры. Услышав шаги, она опустила рукав.

Сера вернулась к сводке.

Дерево росло в полусфере, воспроизводившей сухой ветер старого Средиземноморья. На соседних террасах цвели растения с трёх континентов, но садовники подбирали их не по климату и не по красоте. Каждая терраса повторяла один из народных портфелей Дома Таль.

Испаноязычная Америка была представлена серебристой травой, горным картофелем и виноградом, который никогда не давал вина. Курдские земли — низкими дубами с переплетёнными корнями. Рома — цветущим кустарником без табличек: семейный эстет трижды пытался подобрать символ, трижды получал обвинение в пошлости и в конце концов объявил отсутствие названия высшей формой уважения.

Сера терпеть не могла этот кустарник.

У нижней ступени террасы сидел Илар, работник внутренней службы. Он поставил перед Серой чашу с тёплой водой, подождал, пока она опустит в неё ноги, и приготовил полотенце.

Сера читала сводку. Когда его пальцы коснулись болезненного места у щиколотки, она едва заметно поморщилась. Илар сразу ослабил нажим.

— Сегодня достаточно, — сказала она.

Он потянулся за туфлями. Сера придержала его плечо, не глядя:

— Вторую тоже.

Юни отвела глаза к своей пластине.

— Они снова перемещаются, — сказала её внучка Юни.

Перед девушкой лежала тонкая пластина из тёмного стекла. На ней медленно текли цифры: нелегальные маршруты, межсемейные браки, частота слов в закрытых разговорах, плотность неподконтрольного юмора.

— Кто именно? — спросила Сера.

— Рома.

— Они всегда перемещаются.

— Не телами. Смыслами. За последние восемь месяцев их закрытые школы обменялись четырьмя учебными программами с курдскими кооперативами и тремя — с Андским поясом. Без наших посредников.

Илар закончил массаж, вытер ей ноги и надел лёгкие туфли.

Сера отложила нож.

— Значит, посредники плохо работают.

— Или хорошо работают школы.

Сера посмотрела на внучку. Юни было двадцать девять. Она унаследовала высокие скулы и светлые глаза бабушки, но не её неподвижность. Выбившуюся из пучка прядь девушка заправила за ухо и тут же потянулась к пластине.

Сера накрыла край экрана ладонью. Юни убрала руку.

— Наша задача не препятствовать развитию, — сказала Сера. — Наша задача — удерживать развитие в пределах, где оно не становится взаимным заражением.

— Идеями?

— Непроверенными возможностями.

— Но программы работают. Ты даже не посмотрела, чему они учат.

— Поэтому ты пока присутствуешь на советах, но не голосуешь.

На дорожке появился секретарь. Он остановился в семи шагах — ровно там, где гравий менял цвет.

— Госпожа Таль, Дом Орра подтвердил участие. Дом Саар просит перенести обсуждение африканской квоты. Дом Вей не согласен с верхней границей потерь.

— Какой именно?

— Два миллиона за шестилетний цикл. Они считают, что при нынешней медицине население не почувствует серьёзности конфликта.

— Население чувствует не потери, — ответила Сера. — Население чувствует повторение.

Она поднялась. Секретарь принял из её рук салфетку, хотя салфетка была чистой.

Юни пошла следом.

— Ты считаешь, люди не замечают, когда умирают два миллиона?

— Ты спрашиваешь меня о каждой семье? — сказала Сера. — Они заметят. Мы получим отчёты по всем секторам.

— И продолжим?

Сера взяла у секретаря пластину.

— Продолжим заседание.

Они вошли в галерею предков. Здесь не было портретов. Лица создавали опасную иллюзию, будто историю делают личности. На стенах висели карты влияния — не географические, а причинные. От открытия дешёвого синтеза пищи тянулась линия к переселению восьмидесяти миллионов человек; от моды на домашнее образование — к падению трёх правительств; от песни неизвестного подростка — к реформе наследственного права.

Юни задержалась возле карты Двести третьего поворота.

— Когда-нибудь они увидят эти линии, — сказала она.

— Разумеется.

— И что тогда?

— Назовут их теорией заговора. Мы позаботились, чтобы правда имела такой же запах, как безумие.

Сера приложила ладонь к двери Совета.

Перед тем как створки разошлись, Юни спросила:

— А если однажды человек войдёт сюда?

— Люди входят сюда регулярно.

— Я говорю не о прислуге.

— Я тоже, — ответила Сера. — Прислуга никогда не бывает опасна. Опасных мы делаем родственниками.

2. Нижний горизонт

К восьми утра тревогу отменили. Чёрные точки исчезли, небо снова разрешили фотографировать, а город получил уведомление о том, что благодаря бдительности Службы безопасности нападение не состоялось.

По дороге на подстанцию Арсен купил два хлебца, пакет искусственного сыра и настоящий мандарин. Мандарин стоил как шесть поездок на метро, но вечером должна была прийти Лада.

Лада жила с матерью в соседнем секторе и навещала отца по четвергам. Ей было четырнадцать. В школе она изучала эмоциональную гигиену, историю общественных угроз и прикладную лояльность. Математику преподавали два часа в неделю: больше считалось избыточным для детей без инженерного допуска.

На подстанции дежурный Равель встретил Арсена у турникета.

— Ты почему опоздал?

— Была тревога.

— Тревога для граждан. У нас допуск.

— Лифты отключили для всех.

Равель нахмурился. Он происходил из тех, кого в обычных секторах называли привилегированными, хотя в Верхнем городе его фамилию не знала бы даже система доставки белья. У него была отдельная квартира, право пересекать два сектора без объяснения причины и жена с разрешением на второе медицинское мнение. Своё положение он считал доказательством справедливости мира.

— Составь объяснение, — сказал он. — И не пиши про лифт. Выглядит как обвинение инфраструктуры.

— А что написать?

— Напиши, что неверно оценил время.

— То есть обвинить себя?

— Ты же не собираешься обвинять город.

В аппаратной пахло пылью, озоном и кофейным заменителем. По стене тянулись серые шкафы Сети. В каждом мигали зелёные огоньки, означавшие, что тысячи людей одновременно слышат одно и то же.

Арсен подключил диагност.

Система показала штатную работу. Паузы в две десятых секунды не было. По журналу климатическая шахта его дома не отключалась с прошлого ремонта.

Он запросил глубокий протокол.

НЕДОСТАТОЧНЫЙ ДОПУСК.

— Равель, у нас был провал в пять семнадцать.

— Не было.

— Я слышал.

— У тебя диагност на столе. Или ты теперь точнее прибора?

— Прибор показывает, что ему велят сохранять.

Равель обернулся медленно. В аппаратной работали ещё трое, и все трое вдруг стали очень заняты.

— Арсен, — тихо сказал он, — ты неплохой техник. Поэтому я скажу один раз. Между ошибкой прибора и ошибкой человека выбирают человека. Не потому, что прибор безошибочен. Потому, что прибор общий, а человек — один. Понимаешь?

Арсен понимал.

Общество держалось на преимуществах большинства. Если показания расходились, реальностью признавалось то, что видело больше экранов. Личное восприятие называлось «одиночным свидетельством» и в судебных делах принималось только вместе с техническим подтверждением. Техническое подтверждение выдавали приборы. Приборы принадлежали Сети.

— Понимаю, — сказал он.

В обед сотрудники спустились в столовую. На стене шли новости: трое экспертов обсуждали утреннюю атаку, которой не произошло. Первый требовал закрыть воздушное пространство. Второй предупреждал, что закрытие станет победой врага. Третий обвинял первых двух в намеренной поляризации общества.

Под экраном бежала строка:

Временное ограничение междугородних перемещений продлено в связи с возможностью повторных атак.

— Хорошо, что продлили, — сказал один из техников. — Моя тёща собиралась приехать.

Все засмеялись.

Смех тоже учитывался Сетью, но считался низкорисковым, если не повторялся в разных районах по одному поводу.

Арсен не смеялся. Его мать жила за границей сектора. В последний раз он видел её девять месяцев назад. Сначала дорогу закрыли из-за эпидемии лихорадки К-12, потом из-за угрозы диверсий на транспорте, потом система сочла две предыдущие причины совокупным фактором риска.

На его браслете появилось сообщение от Лады:

Пап, сегодня не приду. У нас семейный карантин. У маминой коллеги положительный след.

След означал не болезнь, а вероятность контакта с вероятностью контакта.

Арсен посмотрел на мандарин, лежавший возле диагноста.

До следующего четверга он не долежит.

В пять часов он вернулся к журналу утренней паузы. Скопировать закрытый протокол было невозможно, но можно было слушать сеть напрямую, как слушают сердце через тонкую стену.

Он отключил диагност, прижал старый аналоговый датчик к корпусу шкафа и надел наушники.

Сначала был ровный гул.

Потом — щелчок.

Потом — тишина длительностью две десятых секунды.

Гул вернулся, но под ним теперь слышался чужой голос. Арсен подстроил датчик:

— Контур Таль подтверждён. Фантом три принят.

Арсен снял наушники.

В аппаратной никого не было.

Он задел мандарин локтем и едва успел поймать у края стола.

Глава 2

3. Погода для народов

Совет Семей проходил в круглом зале без окон. В центре стоял стол из чёрного камня, разделённый тонкими световыми линиями на восемь секторов. Шесть принадлежали Домам. Седьмой — Модели. Восьмой оставался пустым.

Пустой сектор предназначался для человечества.

Традицию ввели после Великой коррекции, когда один из предков заметил, что отсутствие представляемого полезно обозначать мебелью.

Дом Таль представляли Сера и Юни. Дом Орра — Баст Орра и его сын Петр. Остальные Семьи прислали по одному старшему и одному наследнику.

Баст Орра отодвинул кресло для сына, прежде чем сесть самому. Петр поблагодарил его коротким прикосновением к запястью и разложил перед собой документы. На обложке верхнего стояло: «Допустимые потери».

Старшая Дома Вей потребовала уменьшить свет. Представительница Касс спросила, не вернулись ли головные боли, и назвала врача. Наследник Саар, опоздавший на полминуты, извинился перед каждым отдельно.

Юни знала их с детства. Баст однажды всю ночь просидел у её постели, пока Сера возвращалась с другого континента. Женщина из Дома Эм научила её плавать. Сейчас они ждали, когда загрузится расчёт будущей войны.

У Баста дрогнула рука. Петр незаметно подвинул к нему стакан воды.

В седьмом секторе мерцала бледная фигура без лица.

— Начнём с малого цикла, — сказала Модель. — Вероятность самопроизвольного объединения профсоюзов, религиозных сетей и свободных учебных коммун превысила допустимый порог на одиннадцать процентов. Рекомендовано внешнее напряжение продолжительностью от пяти лет четырёх месяцев до шести лет одного месяца.

Над столом возникли две цветные массы. Люди в обычных секторах назвали бы их государствами. Для Совета это были контуры.

— Твои нападают на моих? — спросил Баст Орра у Серы.

— В прошлый раз мои нападали.

— Формально да. Однако твой контур получил территориальную компенсацию после перемирия.

— Компенсация была непригодна для проживания.

— Символы пригодны для проживания дольше, чем земля.

Сера едва заметно улыбнулась.

— Хорошо. Твои начинают. Мои получают убедительную причину, отступают первые восемь месяцев, затем стабилизируют линию.

— Потери?

— Один миллион сто с моей стороны. Девятьсот тысяч с твоей.

— Дисбаланс вызовет у моего населения чувство нереализованной победы.

— Оно вам пригодится в следующем цикле.

Старшая Дома Вей вмешалась:

— Два миллиона недостаточно. За последнее десятилетие смерть стала слишком частной. Люди видят её только в семейном контексте и не связывают с историей.

— Именно поэтому достаточно, — сказала Сера. — Наша цель — не опустошение. Нам требуется незавершённое горе. Оно лучше передаётся детям.

Модель показала график. По мере роста страха падало число прямых горизонтальных связей; затем страх достигал насыщения, люди начинали помогать незнакомым, и связи снова росли.

— Нельзя превышать точку милосердия, — сказал Баст. — Прошлая пандемия подошла слишком близко.

Юни подняла голову. На учебных разборах этот поворот графика означал, что помощь стала доходить быстрее. Она сама проверяла отчёты по обмену препаратами. Из них следовало, что задержки вызваны несовместимостью лабораторных протоколов.

— Почему вы называете это точкой милосердия?

— Момент, когда угроза перестаёт разделять людей и начинает объединять, — пояснил Петр Орра. — Плохо управляемая катастрофа делает человека шире его группы.

— Поэтому эпидемию остановили?

В зале возникла короткая пауза.

— Эпидемию остановила медицина, — произнесла Сера.

— Но решение допустить протокол обмена формулами приняли вы.

— Мы.

— После того как Модель показала рост взаимопомощи?

— После оценки совокупных факторов.

Юни посмотрела на пустой сектор.

— Вы ждали роста взаимопомощи, чтобы разрешить обмен формулами? Сколько людей умерло за это время?

— Мы спасли управляемость, — сказал Баст без раздражения. — Не драматизируй. Управляемость спасла больше жизней, чем все случаи героизма вместе взятые.

Модель сменила изображение.

Появился третий контур.

— По завершении малого цикла рекомендован короткий объединительный конфликт. Первые два контура формируют союз против третьего. Продолжительность — сто сорок семь — сто восемьдесят три дня. Для убедительности союза требуется необратимое событие.

На столе зажглись семь красных точек.

— Ядерные? — спросил наследник Саар.

— Ограниченные.

— Потери?

— От сорока одного до шестидесяти восьми миллионов в первые девяносто дней. Вторичные — до ста двенадцати миллионов.

Никто не заговорил сразу.

Юни почувствовала, как под кожей запястья учащённо бьётся пульс. Она посмотрела на старших. Они были бледнее обычного, но не потрясены. Так выглядят люди, которым предложили дорогую операцию: неприятно, рискованно, возможно, необходимо.

— Альтернативы? — спросила Сера.

— Открытый обмен идеями между контурами. Ослабление наследственных границ. Свободное перемещение. Доступ населения к полной ретроспективе решений.

Старшая Дома Вей рассмеялась.

— Это не альтернатива. Это капитуляция.

— Модель не различает эти понятия, — сказала фигура.

— Поэтому решения принимаем мы, — ответила Сера.

Обсуждение продолжалось два часа. Они спорили о высоте взрывов, о направлении ветров, о сохранении портов, архивов и генетических банков. Дом Орра требовал исключить из целей два промышленных узла. Дом Таль настаивал на защите трёх языковых центров. Дом Саар хотел перенести событие на сезон дождей.

Они заботились о своих народах.

Каждый по-своему.

В конце заседания Баст Орра коснулся световой линии.

— Остаётся вопрос инициативы снизу. За время малого цикла могут возникнуть непредусмотренные лидеры.

— Возникают всегда, — сказала Сера. — Для этого существует восхождение.

— Последний кандидат сорвался.

— Он отказался от места?

— Хуже. Он хотел рассказать.

— *И?*

— Рассказал. Его канал собрал девять миллионов просмотров. Через три недели аудитория решила, что это рекламная кампания сериала.

Старшие улыбнулись.

Юни не улыбнулась.

Модель повернула к ней гладкое лицо.

— Наследница Таль демонстрирует повышенную этическую турбулентность.

— Это возрастное, — сказала Сера.

— Мне двадцать девять, — ответила Юни.

— Я говорю не о твоём возрасте. Я говорю о возрасте нашего Дома.

4. Маленькие хозяева

Районный Центр распределения находился в бывшем театре. Сцена стала залом ожидания, ложи — кабинетами, а под потолком по-прежнему летели нарисованные ангелы. После ремонта им добавили браслеты гражданской идентификации.

Арсен пришёл просить разрешение на поездку к матери.

Электронная очередь предложила выбрать причину: болезнь, смерть, государственная необходимость, перемещение иждивенца, исправление административной ошибки. Причины «хочу увидеть» не было.

Он выбрал болезнь.

Через сорок минут его вызвали в ложу номер семь. За столом сидела молодая женщина в зелёной форме. На груди светилась фамилия: ЭРНА КЛЕЙ, СПЕЦИАЛИСТ ДОПУСКА 2.

— Подтверждение диагноза?

— Она не больна.

— Вы выбрали болезнь.

— Другого подходящего пункта нет.

— Значит, подходящей причины нет.

— Это моя мать.

— Родственная связь не является обстоятельством перемещения.

— Ей семьдесят восемь.

— Возраст тоже.

Арсен положил на стол справку о трёх предыдущих отказах.

— Я не видел её девять месяцев.

Эрна Клей посмотрела на него внимательнее.

— Мой брат живёт через два сектора. Я не видела его год.

На секунду Арсену показалось, что они поняли друг друга.

— Тогда вы знаете.

— Знаю, — сказала она. — Поэтому не прошу.

Она вернула документы.

Внизу, возле гардероба, Арсена догнал мужчина в коричневом пальто.

— Вельский?

— Да.

— Могу помочь с поездкой.

— Вы кто?

— Человек, который читает отсутствующие пункты.

Его звали Мейр Горт. Он заведовал хозяйственной частью Центра и имел доступ к служебным транспортным окнам. За две месячные зарплаты он обещал внести Арсена в бригаду по проверке санитарных шлюзов.

— Две зарплаты за одну поездку? — спросил Арсен.

— В обе стороны. Пропуск, машина, место в бригаде. Если не поедете, верну половину.

— Откуда у вас моё имя?

— У вас уже четыре отказа. Пятый тоже будет. Мне передали номер дела.

Горт говорил без стыда. Он не считал себя преступником. Напротив, он видел в себе смазку слишком жёсткого механизма. Благодаря ему больные получали лекарства, влюблённые встречались, дети поступали в хорошие школы. Разумеется, прежде лекарства, встречи и школы доставались тем, кто мог заплатить.

Мир обычных секторов повторял устройство Семей с поразительной точностью, ничего о нём не зная. Здесь тоже были семьи, портфели, войны и контролируемые границы. Владелец

трёх продуктовых киосков враждовал с начальником утилизации. Директор школы отдавал места детям врачей. Председатель квартала устраивал карантин в доме соперника за неделю до выборов. Они называли это жизнью.

— Я подумаю, — сказал Арсен.

— До пятницы. Потом место отдам.

На улице шёл дождь. Под навесом у Центра люди обменивались справками, пропусками, лекарствами и сведениями о незанятых койках. У каждой официальной системы вырастала тень, и тень была человечнее системы ровно настолько, насколько могла себе позволить.

Арсен увидел Ингу Мор, фармацевта из соседнего квартала. Она курила тонкую самодельную сигарету.

— Ты зачем здесь? — спросил он.

— Доказываю, что сто упаковок антибиотика не исчезли, а были заранее употреблены отсутствующими пациентами.

— Успешно?

— Пациентов признали отсутствующими. Теперь осталось признать употребление.

Он рассказал ей о матери, о Горте и почти рассказал о голосе под гулом Сети. Почти.

Инга слушала, щурясь от дыма.

— Заплати ему, — сказала она.

— Две зарплаты.

— Деньги вернутся.

— Время тоже?

— Нет. Поэтому и заплати.

Он проводил её до трамвая. Перед посадкой она обернулась:

— Лада придёт сегодня?

— Карантин.

— Опять?

— Положительный след.

Инга усмехнулась.

— У нас вчера поступили тесты на К-двенадцать. На коробке дата производства — через три месяца.

— Ошибка печати.

— Конечно.

— Ты сообщила?

— Я пока выбираю, кого обвинить: календарь или себя.

Трамвай ушёл.

Дождь усилился. На городских экранах появилось новое предупреждение:

ВНИМАНИЕ.

Зафиксированы попытки иностранных агентов посеять сомнения в достоверности санитарной статистики.

Помните: совпадение вопросов может свидетельствовать о координации.

Арсен прочёл сообщение дважды.

Потом достал браслет и удалил черновик, в котором собирался написать Инге о голосе.

В тот вечер он разрезал мандарин. Одну половину съел. Вторую разделил на дольки и положил на чистую тарелку напротив.

Утром переложил подсохшие дольки в сумку. Тарелка осталась на столе.

Глава 3

Часть вторая. Морок

5. Инструкция по созданию очевидного

У Морока не было выключателя.

Это было первое, чему обучали наследников.

Дети Верхнего города обычно представляли мир внизу огромным залом, где миллиарды людей смотрят на один экран. Им казалось, что достаточно выбрать изображение — и человечество увидит его. В двенадцать лет их приводили в Школу контекстов и показывали правду: никаких миллиардов не существует.

Существуют семьи, дворы, рабочие смены, игровые сообщества, религиозные кружки, долговые цепочки, любовники, больницы, рынки и несколько миллионов видов одиночества. Каждый человек стоит сразу в десятках кругов и в каждом говорит другим голосом. Управлять человечеством невозможно. Можно лишь не позволять его кругам совпасть.

Морок занимался несовпадением.

Название когда-то было аббревиатурой — Модуль Оперативного Распределения Общего Контекста. Со временем точки исчезли, слово стало привычным, а первоначальный смысл сохранился только в учебниках.

— Ложь является дорогим инструментом, — объяснял наставник Юни Таль. — Она требует производства, защиты, исправления противоречий. Правда производится сама. Нужно только выбрать, кому, какую и когда показать.

На стене аудитории возник пожар.

— Факт: горит жилой дом. Контекст один: неисправность накопителя. Результат — проверка оборудования. Контекст два: накопитель изготовлен в чужом контуре. Результат — внешняя угроза. Контекст три: пожарные прибыли позже из-за перекрытия, устроенного протестующими. Результат — ненависть к протестующим. Контекст четыре: среди жильцов был человек, ранее обвинённый в радикализме. Результат — обыск связей. Мы ничего не придумали. Какой контекст истинный?

Двенадцатилетняя Юни подняла руку:

— Все.

— Неверно. Истинным становится тот, который вызывает действие.

Теперь, спустя семнадцать лет, она сидела в Наблюдательной палате и смотрела, как Морок готовит войну.

На первом уровне меняли погоду внимания. В приграничных районах людям чаще показывали старые документальные записи зверств. В центральных — истории о несправедливо забытых героях. Детям предлагали игры с картами утраченных территорий. Пожилым — льготные обследования в дни памятных дат. Никаких прямых призывов. Прямой призыв создаёт сопротивление. Хороший контекст позволяет человеку самостоятельно прийти туда, где его уже ждут.

На втором уровне создавали взаимную непереводимость.

Одна сторона получала сведения о переговорах с задержкой в шесть часов, другая — с задержкой в девять. Ответы начинали казаться уклончивыми. Автоматический перевод чуть повышал агрессивность формулировок: «озабоченность» превращалась в «предупреждение», «условие» — в «ультиматум», «сожаление» — в «обвинение». Официально алгоритм лишь учитывал культурные особенности.

На третьем уровне включали доказательства угрозы.

Не настоящие и не ложные. Возможные.

Беспилотники запускались с нейтральных платформ, несколько раз меняли цифровой след и падали, не долетев до цели. Их обломки содержали детали разных производителей. Каждый эксперт находил то, что соответствовало его прежним убеждениям. Чем тщательнее шло расследование, тем больше версий оно подтверждало.

— Фантом три дал отклонение, — сообщил оператор. — Проекция на небе сместилась, отражение на городском покрытии осталось прежним.

На экране зависла чёрная точка. Два других аппарата были настоящими; третью цель достраивали излучатели на крышах. Система должна была согласовывать изображение с отражающими поверхностями, но мокрый асфальт после переключения остался на прежнем кадре.

Юни вспомнила утренний отчёт.

— Население заметило?

— Система зарегистрировала четыреста семьдесят два взгляда дольше допустимого. Никакой координации.

— А если кто-то понял?

Оператор пожал плечами.

— Понимание без связи статистически эквивалентно непониманию.

На четвёртом уровне подготавливали исключения. Закрывали маршруты, вводили санитарные зоны, ограничивали число участников встреч, снижали скорость частных каналов. Каждая мера имела самостоятельное разумное обоснование. Все вместе они делали так, что человек мог общаться только с теми, кого уже знал, и узнавать только то, во что уже верил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.